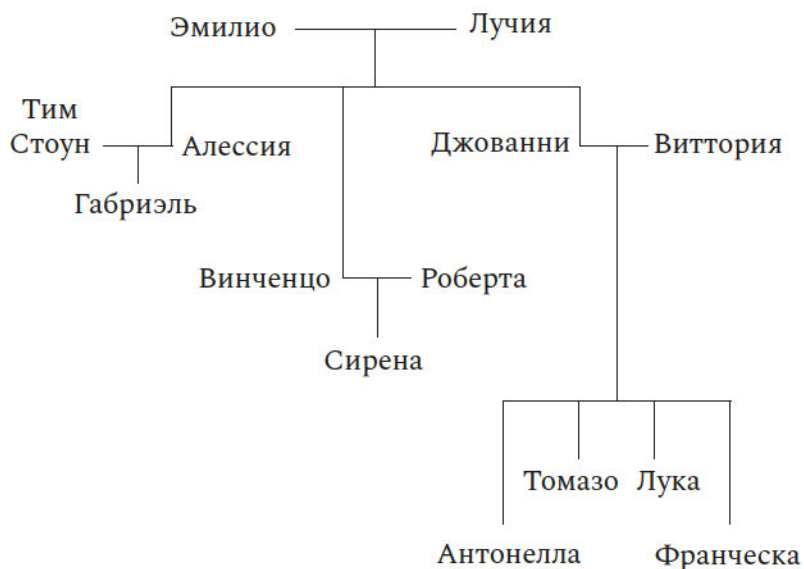

Семейное древо Барбарани

Персонал поместья Барбарани

Грейсон Хоук — «фиксер»

Джетт Рэндалл — «такси»

Кончетта Чьярелло — «кухарка»

Семейное древо Ла Маркас

Персонал поместья Ла Маркас

Рафаэль — «Любимчик»

Форест Валентайн — «Обрученный»

Кейн Скиннер — «Призрак»

1

Грей

В зале раздался женский крик, и рука Грейсона машинально метнулась к оружию. Уже в следующее мгновение он сделал вид, что всего лишь разминает плечо; если что-то и можно было квалифицировать как серьезную угрозу жизни и здоровью, так это бугристые бицепсы, обнажившиеся, когда Лука Барбарани закатал рукава. Если бы кому-то здесь отрубили голову или случилось землетрясение, реакция и то не была бы такой бурной.

Крикунья затерялась в толпе, чересчур большой, на взгляд Грея. Он едва мог различить Луку, который то и дело исчезал в потоке шпилек и атласа ненасытных обладательниц билета.

В Древнем Риме существовал особый вид казни — *roena cullei*. Обычно ее применяли к виновным в убийстве родственников, особенно отца: преступника сажали в мешок вместе с обезьяной, петухом, змеей и собакой и бросали в реку.

Кто-то, возможно, скажет, что организацию первой в истории «Битвы стриптизерш» на отцовской ви-

нодельне вряд ли можно приравнять к убийству члена семьи. Но, к несчастью для Луки, его отец, винный магнат Джованни Барбарани, был человеком крайне непростым. Его определяли два главных качества: приверженность традициям и итальянская кровь.

Так что вместо реки Луку бросили в зал для проведения официальных мероприятий городка Бинди-Бинди, а вместо четверки злобных, голодных зверей его атаковали шлюховатые одинокие дамочки с острыми акриловыми ногтями, рвущиеся сделать выигрышную ставку на сегодняшнем аукционе холостяков. Грея было не положено иметь собственное мнение по таким вопросам, но поскольку он с детства служил в семье Барбарани, то был уверен — будь у Луки выбор, он предпочел бы мешок.

Стоя в центре зала, Лука бросил страдальческий взгляд на Грея. Очередные коготки с ярким блестящим лаком поправляли его и без того идеально завязанный галстук-бабочку. Грей был невысокого мнения об умении Луки балансировать между стремлением к самостоятельности и обязанностями перед отцом — из-за чего Лука, собственно, и влип в данную ситуацию. Но свое внезапно вспыхнувшее сочувствие к Луке ему стоило засунуть куда подальше вместе со своим мнением.

Куда подальше могли засунуть и самого Грея. Отец Луки решил наказать сына аукционом холостяков, и если Грей не поможет другу пройти испытание с достоинством, его ждут крупные неприятности.

Он выудил из-под ногтя блеску. Пол и все поверхности в винодельне Барбарани еще долго будут блестеть после вчерашнего «приватного танца». Джованни, скорее всего, уже распорядился заменить полы. А стоимость работ вычтут из зарплаты Грея.

Следя за дамочками, кружащимися вокруг Луки, словно планеты вокруг Солнца, Грей, как обычно, занял позицию беспристрастного наблюдателя. Видеть Луку в ситуации столь явного дискомфорта доставляло ему некоторое удовольствие. В конце концов, сегодня у Грея был выходной, а вместо этого ему посчастливилось приглядывать за двадцатичетырехлетним готовым к «спариванию» итальянцем, из-за которого все женщины в радиусе восьмидесяти километров рвали на себе белье.

Урок, который Грею следовало вынести из потери выходного, заключался в том, что он обязан был предвидеть и предотвратить осквернение винодельни чужаками. Как-никак его обязанности фиксера¹ заключались в защите Барбарани не только от внешней угрозы их репутации и жизни (именно в таком порядке), но и от них самих.

Прислонившись к стене, он ощутил вибрацию телефона, ожившего, вероятно, в ответ на его дерзкую попытку принять позу, отдаленно напоминающую расслабленную.

Входящий звонок: Томазо Барбарани.

Отклонить. Он не подставит голову под топор Тома, пока сам не выяснит, что и как. Истории такого рода, эти гнойники в грязных уголках интернета, обычно затихали после того, как фиксер безжалостно их вычищал. Его работа в том и состояла, чтобы ликвидировать проблему до того, как она перерастет в полномасштабный PR-кризис.

¹ Фиксер — человек, который исправляет ошибки других, заметает следы, прибирает место преступления.

Факты:

А. Студентка университета выпила из бутылки на вечеринке в винодельне Барбарани.

Б. Сейчас Поппи Рейвен находится в реанимационном отделении больницы города Джундалуп.

Дайте только шанс воинам клавиатуры и врагам Барбарани сколотить военный союз, и они заполнят пробелы домыслами и ложью. Грей по-прежнему наблюдал за Лукой, позирующим для селфи, но больше похожим на жертву киднеппинга, фотография которого должна подтвердить, что он пока еще жив. Перед глазами уже вспыхивали броские заголовки:

Поцелуй смерти:

вино Барбарани отправило жертву в реанимацию.

Отравленное вино:

*Джованни Барбарани могут заставить
выплатить миллионные компенсации жертве.*

Австралийская история ужасов:

*некачественное вино может разрушить
планы Барбарани на отель.*

Том Барбарани ожидал, что Грей сотрет эти заголовки из общественного сознания в течение часа. Но Грей служил Джованни, и у того приоритеты были другие:

1. Унижение Луки.

2. Оказание первой помощи тиктокерам, пострадавшим при попытке опорочить доброе имя Барбарани.

— Кажется, он что-то мне подсыпал! — прокричала блондинка в центре зала. — Лука Барбарани что-то мне подсыпал!

— Эй. — Грей оттолкнулся от стены и направился к девушке, которая цеплялась за руку высокой женщины с короткой стрижкой, качаясь при этом так, будто только что прокатилась на аттракционе «Турбоспин» в «Ройял-Шоу». — Тебе никто ничего не подсыпал. Если бы подсыпали, ты бы знала, потому что была бы трупом.

Ее взгляд упал на кобуру.

— Я просто пошутила. — Она закатила глаза, а вот вернуть их на место у нее получилось не сразу.

— Не понял шутки. — На каменном лице Грея не отразилось ни единой эмоции. — Тебе смешно, что женщин подсаживают на наркотики? Мне — нет.

— Она пьяна, — пояснила женщина со стрижкой пикси. — В ней говорит сангве¹.

— Кричит, — поправил Грей. — Вино итальянское. Крепкое.

Лицо блондинки исказилось.

— Я не так много выпила... — Она моргнула, глядя на две пустые бутылки на столике рядом.

Грей поднял бровь и посмотрел в сторону ее подруги, которая, похоже, оказалась менее подверженной влиянию гравитации и сангве.

— Примерно бутылку, — сказала она.

— Господи, — Грей протянул руку, чтобы удержать шатающуюся блондинку. — Удивительно, что ты еще на ногах.

— Я хочу сделать ставку на Луку, — прошепелявила она, качнув головой вправо, где Луку Барбарани, словно крепость, осадила толпа воинственных особ на шпильках, и каждая старалась произвести впечатление до то-

¹ Сангве (*итал. Sanguis*) — кровь. Здесь: итальянское название вина кроваво-красного цвета.

го, как час его времени будет продан на аукционе, словно он призовой козел на рынке.

Формально победит та, которая сделает самую высокую ставку, но у Луки оставалось право выбора — это правило придумал сам Грей. Иначе он никогда не смог бы оторвать Луку от бутылки виски и притащить сюда.

Женщина с длинными темными волосами и уродливыми татуировками на крепких руках встала на цыпочки, чтобы шепнуть что-то Луке на ухо. Выражение лица младшего Барбарани встревожило Грея. Но разбираться с угрозами следует поочередно.

— Прости, милая, — сказал Грей блондинке. — Нетрезвых на территории быть не должно.

— Я в порядке... — Она сделала шаг в сторону обступившей Луку паствы, но тоненькие, как у Бэмби, ножки подогнулись, и она рухнула Грею на грудь.

Судя по состоянию нестояния после бутылки вина, фальшивому загару и неровно подведенным глазам, ей вряд ли было больше двадцати.

— Давай отправим тебя домой. — Грей посмотрел на подружку блондинки. — Ты можешь ее проводить?

Та нахмурилась и бросила взгляд на толпу.

— Я... ну... Билеты были очень дорогие...

— Она не может остаться, — с нажимом сказал Грей. За годы работы фиксером он овладел умением сохранять нейтральный тон в ситуациях, в которых больше подходят кулаки. — Где она живет?

— На Манта-Рей-Райз... Ее права в чехле телефона.

— Спасибо за помощь, — скрипя зубами, Грей повел «Бэмби» через толпу под громкое объявление аукциониста о том, что торги начнутся через пять минут. Девушка дергалась и извивалась, пытаясь разблокиро-

вать телефон, скорее всего, чтобы сделать селфи своего стремительного ухода с аукциона в надежде, что хэштег *#ЛукаБарбараниНеСовладалСоМной* станет вирусным.

— Эй!

Грей оторвался от телефона, на котором он успел нажать две кнопки, и увидел татуированную особу, которая только что шепталась с Лукой. Теперь она преградила ему выход на парковку.

— Ты что с ней делаешь?

Намек, содержащийся в вопросе, высек искру раздражения.

— А разве непонятно? Веду в переулок, чтобы вырезать органы и продать на черном рынке.

— Она пьяна. — Полные губы у татуированной заступницы были бы красивыми, если бы не отвратительная усмешка.

— Да, я знаком с этим концептом, — сказал Грей.

— А с концептом согласия знаком?

— До самых интимных деталей. Вот почему я знаю, что ты вторглась в мое личное пространство и должна с уважением отнестись к моей вежливой просьбе отойти в сторону.

Он сделал шаг вперед.

— Я не позволю тебе увести эту женщину. — Она скрестила руки на груди, как будто в такой позе могла полностью заблокировать пространство. Мелкая, невысокая, он мог бы поднять ее одной рукой, удерживая Бэмби другой. Но что-то в выражении ее лица заставило его остановиться.

Он оценил ее одним взглядом, как оценивают одним шотом абсент: быстрый, через силу, глоток с обжигающим послевкусием. Волосы свободные, блестящие, без лака и за-

колок. Джинсовые шорты до середины бедра открывали крепкие стройные ноги, знакомые с триатлоном или привыкшие выколачивать дух во время спаррингов на ринге.

Замечать детали было его работой. Поэтому взгляд задержался, возможно, на секунду дольше, чем нужно, на полупрозрачной белой майке, обтягивающей грудь, слишком большую для ее фигуры. Бюстгальтер под майкой был черный.

Опять же, его работа заключалась не в том, чтобы оценивать детали и решать, какие важны, а какие нет. Он просто фиксировал и каталогизировал их. Ее потертанные черные ботинки «Доктор Мартинс» резко контрастировали с босоножками на платформе, которые носила Бэмби, и почему-то именно эта деталь автоматически переключила его внутреннюю тревожную систему в режим повышенной готовности.

— Ты предлагаешь оставить ее здесь в луже собственной блевотины? — спросил он.

— Я предлагаю тебе отвалить на хрен подальше.

— Конечно. — Грей исчерпал запас терпения. — Как пожелаешь.

Он отпустил Бэмби, которая пошатнулась и рухнула прямо на заступницу, вонзив в нее акриловые ногти. Та инстинктивно схватила ее за плечи.

— Уф-ф! — Вместо того чтобы завалиться к окну, татуированная незнакомка отступила, как боксер, на полшага назад, и поймала Бэмби в момент падения.

Грей проверил телефон.

— Эй! Але? — рывкнула Тату, медленно сгибаясь под весом обессилевшей Бэмби. Последняя практически отключилась, ее усыпанные блестками веки трепетали, как крылышки раненого насекомого.

Грей поднял палец. Он читал сообщение от Джетта.

— Может, поможешь?

— Помочь? Просишь помощи у насильника? —
С улицы донесся гудок Джетта.

— Я не говорила, что ты... Эй, ее сейчас вывернет!

Грей оттолкнул Тату как раз вовремя, так что черные «мартинсы» избежали встречи со знаменитым вином Барбарани, смешанным с желудочным соком Бэмби.

Он полагал, что заступница скривится или убежит, зажав нос, но, судя по всему, ее категорическое нежелание оставить пьяную девицу наедине с незнакомым мужчиной за тридцать перевесило неприятные ощущения от запаха блевотины.

Справедливость этого предположения по непонятной причине раздражала его сильнее, чем следовало бы.

— Теперь я могу посадить ее в такси? — осведомился Грей.

Тату сверкнула зелеными глазами, но не стала его останавливать. Он подхватил Бэмби под мышки, но она оказалась слишком тяжелой.

Чтоб тебя. Словно жених из давно минувшего девятнадцатого века, переносящий суженую через порог, Грей поднял ее на руки.

— Это не такси. — Сердитый голос последовал за ним на парковку, где принадлежавший Барбарани красный «Порше» с ласковым именем Бесси уже ожидал пассажира, раздраженно и чванливо пофыркивая мотором.

— А «Менса»¹ в курсе на твой счет?

¹ «Менса» (англ. Mensa) — крупнейшее и старейшее общество людей с высоким коэффициентом интеллекта; некоммерческая организация, открытая для всех, кто сдал стандартизованные тесты на IQ лучше, чем 98 % населения.

Джетт вышел помочь Грею усадить Бэмби на заднее сиденье, но Тату решительно встала перед дверью, мешая произвести загрузку.

— Это такси Барбарани, — объяснил Грей.

Она приподняла бровь.

— Так ты работаешь на Барбарани?

Было в ее голосе что-то, отчего у него свело живот. Почему?

— Знаешь, я здесь не для того, чтобы торговаться за возможность провести час в обществе Луки Барбарани, если ты это имеешь в виду.

Он почти ожидал, что она скажет «я тоже», но в ответ получил лишь каменное молчание, и его мозг включился на полную. В этой женщине было что-то... и нет, не полупрозрачная майка. Его насторожил блеск в ее глазах, острый, словно спрятанный под плащом нож. Она явилась сюда не ради аукциона. Его учили замечать такие вещи. И после прошлой ошибки... нет, второй раз он не допустит подобный промах.

Что она шептала Луке в зале?

— Она тоже едет? — спросил Джетт, вбивая адрес Бэмби в GPS. Синий экран высвечивал шрам, пересекающий его лицо.

Полуобернувшись к ней, Грей приподнял бровь.

— Я возвращаюсь в зал, — заявила Тату, — если с ней все в порядке.

— С Джеттом у нее проблем не будет. Он может управлять этой машиной с закрытыми глазами, — сказал Грей и, поймав ее взгляд, добавил: — Но не будет.

Он сам не понял, зачем ему понадобилось убеждать ее в законопослушности водителя Барбарани.

— Мне холодно! — жалобно заныла Бэмби с кожаного сиденья.

Последний выстрел

— Подогрев включен, — сказал Джетт. — Скоро будешь жаловаться, что тебе дракон задницу прожег.

— Она дрожит. — Тату произнесла это так, словно пьяная блондинка истекала кровью от множественных ножевых ранений.

— Для такого случая в магазинах продают пальто, — проворчал Грей, снимая пиджак и бросая его Бэмби, которая и впрямь дрожала. А вот Тату, отметил он про себя, не дрожала, хотя от ветра ее защищали только чернила на коже. В голове у него уже крутились хэштеги катастрофы.

*Жертва гипотермии обвиняет
аукцион холостяков Барбарани*

и

*Жестокий: Лука Барбарани
вышвыривает умирающую на улицу.*

— Держи. — Брошенный пиджак накрыл свернувшуюся калачиком Бэмби с головы до ног.

— Лука может меня найти, — пробормотала она. — Мой ник — *@freedom_girl*. Я инфлюэнсер, пишу обзоры об отелях. Могу организовать ему приличный коллаб.

После того как Лука в последний раз останавливался в отеле, Грею пришлось организовать полное обновление номера люкс. Какашки альпаки, как ни странно, не так-то просто вычистить из ковра.

— Я ему передам. Береги себя.

Лука не станет ее искать. Но Грей — да. Чтобы убедиться, что она сидит тихо и не болтает о случившемся.

— Верни мой пиджак, — одними губами сказал он Джетту. Тату хмуро наблюдала за ними со стороны, пы-

таясь расшифровать их «секретный код». Бэмби укрылась пиджаком, как птенец крылом матери.

Пару минут спустя на обратном пути через парковку Тату поправила бретельку, причем сделала это так, что Грей отвел взгляд, — теперь ее груди выпирали из топа, словно доказывали миру, что они существуют.

— Не обольщайся, — сказал он, когда они вернулись в зал. — Сегодня серьезная конкуренция.

— Как я понимаю, в отношении женщин у Луки Барбарани один-единственный критерий — живая, да и это, пожалуй, необязательно.

— Видела женщин в его аккаунте в соцсети? Ты не совсем его тип.

Ну вообще-то, тип Луки — это северные итальянки, пышные и запретные. Так что в поисках противоположности он остановился на банальной ротации супермоделей — высоких, с минимальным риском изгнания из семьи. Но эта женщина не подходила ни под один из критериев. Да, она была эффектной — пугающе, так что дух захватывало, — но тягаться с женщинами, собравшимися сегодня в зале, она не могла. Да и вела она себя не так, как в представлении Грея должна вести себя девушка, которая в четверг вечером не нашла для себя ничего лучше, чем потратить безумные деньги на один час в компании самого завидного холостяка Австралии.

— И что именно это значит? — спросила она. — Какого я типа?

Не моего. Что-то глубинное рыкнуло в ответ, опровергая это заявление. Но он моментально придушил протест, как делал каждый раз после того, как облажался.

Во-первых, ему не нравятся татуировки. Нет уж. Во-вторых, ему не нравятся плохие девчонки. И уж точ-

Последний выстрел

но женщина, способная постоять за себя в споре и от одного взгляда на которую захватывает дух, — не его тип. Спасибо, больше не надо.

— Не того, какой нравится Луке, — только и сказал он.

— Мужчинам обязательно надо разложить женщин по коробочкам, будто мы сорта хлопьев.

— Ты же участвуешь в аукционе по продаже живого человека, — резко указал Грей. — Не тебе говорить о высоких моральных ценностях.

Она открыла рот, собираясь возразить — похоже, это была ее опция по умолчанию, — но голос аукциониста, призвавший всех занять места, вернул ее к реальности. Если это вообще можно было назвать реальностью.

— Кем ты им приходишься? — спросила она, видя, как Грей внимательно наблюдает за поднимающимся на сцену Лукой.

— Неважно кем, — ответил Грей. — Важно, кто я для всех, кто попытается ставить палки им в колеса.

Он надеялся, что она попробовала угрозу на вкус и будет ощущать ее обжигающую остроту, глядя, как он уходит в тень за сценой, туда, где ему и надлежит быть.

2

Макс

Только клинический сумасшедший, чье безумие официально подтверждено по крайней мере тремя специалистами, мог добровольно принять участие в такого рода мероприятии. Но никто и никогда не обвинил бы Макс Конрад в том, что она не в своем уме. Особенно после того июня два года назад.

Ставки уже перевалили за восемь тысяч, и две девушки в первом ряду с таким нетерпением тянули руки вверх, будто боролись за последнюю дозу лекарства для оставленного дома больного ребенка, а не за возможность провести один час с действующим обладателем австралийского кубка «Грязные ручонки».

В миллионный раз за вечер Макс задумалась, куда на самом деле идут деньги.

На новую яхту для Луки Барбарани?

На люксовый внедорожник для жестокой, бессердечной адвокатессы Антонеллы, пытающейся за громкими словами о социальной справедливости скрыть тот факт, что получила свое место благодаря протекции родителей?

Или есть шанс, что деньги пойдут Франческе, единственной в этой семейке, у кого есть зачатки совести? Она хотя бы потратит их на экологию. Хотя движет ею, скорее всего, лишь чувство вины за привилегированное детство. Но увидев все эти контрабандные пластиковые соломинки в бокалах с джином, Макс сильно засомневалась в искренности ее забот об окружающей среде.

О старшем сыне, Томазо, она не знала ничего, кроме того, что этот надменный хрен вместе с отцом Джованни организовал аукцион, скорее всего ради налоговых вычетов.

Но теперь было поздно. Она ничего не могла поделать, даже если бы деньги пошли на федеральную программу по запрету абортот или открытие новой угольной шахты на священной земле. Но другого способа попасть в поместье Барбарани не было, как не было и времени — часы в ее сердце тикали, отсчитывая секунды с настойчивостью кукушки.

— Восемь тысяч четыреста... Есть восемь тысяч пятьсот?..

— Девять тысяч! — крикнула рыжая девушка.

На сцене Лука поправлял запонки, сверкающие, как бриллианты. Возможно, они и были бриллиантами, вдруг поняла Макс. Глядя на него, она признала: да, этот парень омерзительно хорош собой в черном костюме, сидящем на нем, как доспехи. Прямо-таки бесстрашный Адонис, наблюдающий за смертными внизу. Вот он смахнул с плеча то ли ворсинку, то ли блеску, и Макс удивилась — неужели это не входит в обязанности того тупого верзилы-сексиста?

Она наблюдала за ним на протяжении всего аукциона, решив выяснить, каковы его функции (помимо эва-